

Тридцать четвёртая глава

Чу Ханьюэ нахмурился, голос — прохладный, чёткий:

— Не буду.

— Разберись в ситуации: это наказание, — усмехнулся Цинь Фэн. — Чтобы ты лучше запомнил свою ошибку и впредь не повторял. Раз ты такой непослушный — продолжать обучение у меня нет никакой возможности.

Произнося всё это, он краем глаза следил за выражением лица Ханьюэ. На том будто намёрз целый слой инея: холодный взгляд, безупречная отстранённость, надменная поза человека, привыкшего смотреть на мир с высоты. Обычно это отпугивает. Но именно это и будило в Цинь Фэне жгучее, почти болезненное желание — сломить, приручить, а после — баловать до потери рассудка.

Чу Ханьюэ поймал его взгляд и наградил тем выразительным прищуром, который не сулил ничего хорошего. Смотреть, впрочем, Цинь Фэн всё равно не перестал. Кожа у Ханьюэ была как полированный белый нефрит — ни единого изъяна, ни тени лишнего. Даже среди небожителей Цинь Фэн не встречал никого подобного. Не та оглушительная, кричащая красота, что сражает наповал с первого взгляда, как у Шаошана, — нет. Красота Чу Ханьюэ была мужской: резкой, отчётливой, с твёрдыми чертами. Особенно этот нос — прямой, с лёгким подъёмом. Каждый раз, когда они целовались, он норовил встать на пути, так что приходилось наклонять голову набок, иначе до губ было попросту не добраться.

Чу Ханьюэ почувствовал пристальный взгляд физически. Поднёс кулак к губам и негромко кашлянул.

Этот кашель Цинь Фэн знал хорошо: «предупреждаю — сейчас буду бить». Он призадумался: не слишком ли зарвался? Маленький бессмертный господин по природе своей не был человеком инициативным. То, что Ханьюэ вообще принял его — уже уступка из ряда вон. Нельзя наглеть. А то обидится, возьмёт детей и найдёт кого помоложе — и что тогда?

Цинь Фэн прочистил горло и уже собирался сказать, что никакой поцелуй вовсе не нужен, — как вдруг перед глазами мелькнула тень, в нос ударил тёплый запах тающего снега, и мягкие губы на долю секунды коснулись его щеки.

Чу Ханьюэ. Поцеловал. Сам.

«Бум-бум-бум» — в голове разом вспыхнул целый фейерверк.

Это был поцелуй в щёку — лёгкое, почти невесомое касание, тут же прерванное. Никакого лишнего времени на то, чтобы насладиться или осмыслить. Но и этого Чу Ханьюэ хватило,

чтобы захотеть провалиться сквозь землю.

— Всё? — голос его прозвучал ещё холоднее, чем прежде. Но для Цинь Фэна в этот момент он был нежнее апрельского ветра. Не то что передавать божественную силу — он готов был прямо сейчас отдать Ханьюэ всё, до последней капли, без малейшего сожаления.

— Да. Более чем. Ты просто невозможен.

Чу Ханьюэ посмотрел на эту блаженную физиономию и покачал головой.

— Никогда не думал, что ты такой простодушный.

Цинь Фэн решил, что его презирают. Он состроил выражение, скопированное со свитка, висящего в комнате Ханьюэ, и спросил:

— А каким ты меня представлял раньше?

Чу Ханьюэ невольно вернулся памятью к тому дню, когда впервые услышал историю о Цинь Фэне. Рассказывал наставник — в детстве, у очага. Рассказывал, как Бессмертный почтенный Хуаян в одиночку сражался с демонами, спасал людей, жертвовал собой. Тогда восхищение пустило корни в маленьком сердце и больше не уходило. Хуаян стал идиолом. Цинь Фэн воплощал всё, чем Ханьюэ хотел стать: неодолимый, невозмутимый, чистый от мирских желаний, несущий ответственность за весь мир.

Но живой оказался другим. Капризным, как дитя. С этой вечной глуповатой улыбкой. Ни намёка на невозмутимость. По сути — наглый бродяга.

И всё же разочарования не было. Поначалу Ханьюэ немного растерялся, отказывался верить, что это и есть тот самый Хуаян. Но чем дольше они были рядом, тем больше ему нравился именно этот, живой Цинь Фэн. Книжный Хуаян был слишком одинок и недосыгаем. А этот слетел с облаков, обрёл плоть и кровь, стал человечнее. Пусть нелепый — что с того? Ханьюэ находил в этом своеобразное удовольствие.

— Ну, говори же, — подался вперёд Цинь Фэн, принимая позу, которую сам, по всей видимости, считал крайне эффектной. — Ты ведь так любил меня раньше. Наверняка думал, что я невероятно красив?

Чу Ханьюэ ткнул его пальцем в лоб.

— Будешь учить или нет? Нет — я ухожу.

— Буду-буду. Ну и вспыльчивый же. — Цинь Фэн засмеялся и накрыл его руку своей. Тёплая

волна прошла от ладони к кончикам пальцев Ханьюэ.

— Запомни это ощущение, — произнёс он вполголоса у самого уха. — Впредь не перепутай.

Голос звучал так близко, что сосредоточиться не представлялось возможным. Только в постели Цинь Фэн обычно говорил вот так — прямо в ухо, едва дыша. Сейчас всё это снова всплыло.

— Не подходи так близко, когда говоришь, — бросил Чу Ханьюэ.

— Что такое? — Цинь Фэн заметил, как порозовели кончики его ушей, и в следующий миг едва коснулся губами этого розового пятнышка. — Вот что тебя никогда не предаёт.

Чу Ханьюэ передёрнуло — едва уловимо, но против воли. Прикрылся кашлем.

— Отстань.

В тот же миг что-то шевельнулось в животе. Детям, должно быть, передалось его волнение. Ханьюэ почувствовал это мгновенно и невольно выдохнул — тихо, беспомощно-мягко, совсем не по-своему. У Цинь Фэна едва не помутилось в голове от этого звука.

Решив, что это была реакция на поцелуй, он уже потянулся за следующим — и тут же получил.

— Это дети. Они шевелятся. — Чу Ханьюэ нахмурился и отмахнулся от него. — Наверное, устали. Продолжим в другой раз.

— Хорошо. Тогда чем займёмся сейчас? — Цинь Фэн потёр руки с откровенным предвкушением.

— Ты приходишь каждый день. Тебе что, совсем нечего делать? — Чу Ханьюэ всегда считал, что у бога должна быть уйма обязанностей — люди, нуждающиеся в помощи, дела, не терпящие отлагательства. Но Цинь Фэн вёл себя так, словно вознёсся на небеса и немедленно предался праздности. Или Хуаяна попросту задвинули на обочину и лишили всяких полномочий. Напрямую Ханьюэ спрашивать не стал — зашёл с другой стороны: — Почему Шаошан так открыто покушался на твою силу? Неужели в Божественном царстве никто за этим не следит?

Вопрос поставил Цинь Фэна в тупик. Шаошан был близок к Небесному Императору. К тому же сам Цинь Фэн сейчас проходил через испытание судьбы — и всё, что Шаошан с ним делал, вполне могло расцениваться как его часть. Никто не вмешается. Хуже того: после гибели Шаошана Тянь-ди вполне может захотеть отомстить. Но Цинь Фэну было всё равно.

— Своё наказание он уже получил — дети его съели. По заслугам.

— Он вошёл в чужой сон в истинном облике? — Чу Ханьюэ нахмурился. — Это же огромный риск. Зачем он на него пошёл? И как вообще подобный человек сумел вознестись?

— Это долгая история, — уклончиво ответил Цинь Фэн. Он знал, как трепетно Ханьюэ относится к идее небес и вознесения. Рассказать правду о Шаошане и Небесном Императоре — значит разбить эти иллюзии. А если надежда и восхищение умрут, Ханьюэ может надломиться. Лучше пока промолчать. — Ему пришлось пережить кое-что страшное. Он искал меня, чтобы получить силу для мести. Пожалуй, я понял бы его — помог бы, если бы он пришёл честно. Но такими методами — нет. Чужая боль не даёт права срывать злобу на невинных. Он убивал людей. И хотел навредить тебе. Этого я не прошу.

Чу Ханьюэ видел, как изменилось его лицо — серьёзное, без привычной дурашливости. Цинь Фэн был по-настоящему зол.

— Значит, те деревенские жители — все его рук дело? Прямо перед его собственным храмом? — Ханьюэ покачал головой. — Это просто чудовищно.

Цинь Фэн промолчал. Вместо ответа протянул руку и растрепал ему волосы.

— Смертные, дорвавшиеся до вознесения, нередко тащат за собой всю накопленную тьму. Но такие, как он, — всё-таки редкость.

— Говорят, у расы богов с продолжением рода большие трудности, — задумчиво произнёс Чу Ханьюэ. — Чистокровных небожителей осталось мало, вот и открыли смертным путь наверх. Но при таком подходе хоть бы за качеством следили. Нельзя пускать кого попало.

Цинь Фэн фыркнул.

— Чистокровные небожители ничем не лучше смертных, уверяю тебя.

Чу Ханьюэ чуть опешил. Эти слова лишь укрепили его в подозрении: Хуаяна в Божественном царстве не жалуют. Делая вид, что ни о чём не догадывается, он взял руку Цинь Фэна в свои ладони и тихо произнёс:

— Небеса полны богов. Но в моих глазах ты — единственный достойный среди них.

Сказал — и тут же поймал на его лице то самое выражение: счастливый, совершенно потерявшийся взгляд. Ханьюэ немедленно бросил его руку.

— Это я так, ляпнул.

— Не ляпай, если не имеешь в виду, — Цинь Фэн блаженно улыбался. — Надо же: маленький

бессмертный господин — такой холодный с виду, а заговорит о чувствах — голову кружит. Потрогай, у меня сердце так и колотится. Если разобьётся — ты будешь виноват.

Чу Ханьюэ смерил его взглядом.

— Несерьёзный человек.

Десятый день пришёл быстро — день экзамена Чэнь Линя. Ранним утром Цинь Фэн бесшумно проскользнул в его комнату и обернулся украшением меча — шёлковой кистью на рукояти. Вместе с хозяином отправился на место испытания.

На горе Юньцзянь специально для экзаменов выстроили трёхэтажный павильон — в дальней части задней горы. В обычное время он был скрыт от глаз и проявлялся, лишь когда приходила пора.

Цинь Фэн осматривался с нескрываемым любопытством. Павильон был странный: ни единого окна — только двери. Лянь Гуанмань провёл юношей внутрь; на втором этаже каждого распределили по отдельной комнате.

Внутри стояла только кровать. Пахло чем-то особенным — не земным. Сладковатый, тонкий аромат с лёгкой примесью потустороннего.

— Старший брат, ну ты даёшь — пронёс и не попался, — шёпотом похвалил Чэнь Линь. — Смотри внимательно. Потом всё расскажешь.

— Что ты сейчас чувствуешь? — начал было Цинь Фэн, но ответа не получил.

Чэнь Линь покачнулся и повалился на бок. Цинь Фэн окликнул его несколько раз — ни звука. Без сознания.

Вскоре дверь распахнулась снаружи. Вошёл Лянь Гуанмань — а с ним две женщины в алых одеяниях с покрывалами на лицах. Достаточно было увидеть их глаза, чтобы понять: красавицы. Когда они переступили порог, по комнате разлилась мощная, почти осязаемая аура. Цинь Фэн насторожился. Не люди. И не просто бессмертные — существа очень высокого ранга.

Осмыслить это он не успел: одна из женщин обратилась к Лянь Гуанманю вполголоса:

— Можно начинать.

Тот кивнул, подошёл к Чэнь Линю, уложил его ровно на постель и принялся снимать с него одежду.

У Цинь Фэна медленно открылся рот.

Что здесь происходит? Сначала усыпили. Теперь раздевают. А потом, надо думать, сотрут воспоминания. Ни с какой стороны это не выглядело как что-то невинное.

Холодное нехорошее предчувствие накрыло его с головой. Чу Ханьюэ тоже сдавал этот экзамен. Неужели с его маленьким бессмертным господином уже...

<http://bllate.org/book/17570/1662229>